

УДК 82.09
ББК 83.3(4)

DOI: 10.31862/1819-463X-2022-2-18-24

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ И ПРИТЧА О СЕЯТЕЛЕ В РОМАНЕ МАРГАРЕТ ДРЭББЛ «МОЙ ЗОЛОТОЙ ИЕРУСАЛИМ»

М. В. Мельникова

Аннотация. *Статья посвящена исследованию роли притчи о сеятеле и притчи о блудном сыне в романе М. Дрэббл «Мой золотой Иерусалим». Главная героиня романа сопоставляется одновременно и с блудным сыном, возвращающимся в отчий дом, и с семенем, которому суждено прорасти даже в пустыне. Дрэббл расширяет сюжетный план повествования, создавая контаминацию из основного и двух аллегорических сюжетов: один и тот же эпизод романа может соотноситься как с сюжетом притчи о сеятеле, так и с сюжетом притчи о блудном сыне. Таким образом, характеры персонажей формируются под влиянием одновременно трех библейских мотивов. Использование в сюжете романа притчи о блудном сыне и притчи о сеятеле заостряет гендерную и социальную проблематику, что способствует началу полемики, нацеленной на формирование новых ориентиров в области морали.*

Ключевые слова: *библейская притча, библейские аллюзии, феминизм, гендерные проблемы, Маргарет Дрэббл.*

Для цитирования: *Мельникова М. В. Притча о блудном сыне и притча о сеятеле в романе Маргарет Дрэббл «Мой золотой Иерусалим» // Наука и школа. 2022. № 2. С. 18–24. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-2-18-24.*

THE PARABLE OF THE SOWER AND THE PARABLE OF THE PRODIGAL SON IN MARGARET DRABBLE'S NOVEL "JERUSALEM THE GOLDEN"

М. V. Melnikova

Abstract. *The article is devoted to the study of the role of the parable of the sower and the parable of the prodigal son in Margaret Drabble's novel „Jerusalem the Golden”. The*

© Мельникова М. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

main character of the novel is compared simultaneously with the lost son returning to his fatherland, and with the seed, which is destined to grow even in the desert. Drabble expands the plot of the story by creating a contamination of the main and two allegorical plots: the same episode of the novel can relate both to the plot of the parable of the sower and to the plot of the parable of the prodigal son. In such a way, the characters' personalities are formed under the influence of three storylines at the same time. The use of the parable of the prodigal son and the parable of the sower in the plot of the novel focuses on gender and social issues, which contributes to the beginning of a controversy aimed at forming new points of reference in the field of morality.

Keywords: *biblical parable, biblical allusions, feminism, gender issues, Margaret Drabble.*

Cite as: Melnikova M. V. The parable of the sower and the parable of the prodigal son in Margaret Drabble's novel „Jerusalem the Golden”. *Nauka i shkola*. 2022, No. 2, pp. 18–24. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-2-18-24.

В европейской литературе XX в. жанр притчи теряет свою каноническую форму и религиозную коннотацию и получает широкое распространение в качестве самостоятельной основы и вставных частей художественных произведений. Британская писательница Маргарет Дрэбл в романе «Мой золотой Иерусалим» (1967) использует библейские притчи в качестве дополнительного, аллегорического, плана повествования; этот прием – частный случай широкого использования библейских аллюзий, особенно распространенных в раннем творчестве автора.

Детство и юность романистки были тесно связаны с религией: воспитанная в семье квакеров и получившая образование в религиозном колледже, она ощущала неразрывную связь с христианством, что не могло не повлиять на писательскую деятельность. Однако не только биографическим аспектом объясняется широкое распространение библейских аллюзий в раннем романном творчестве Дрэбл. В активном использовании библейского материала кроется и связь с викторианской эпохой, обращение к которой стало невероятно популярно в литературе второй половины XX в. Во время правления Виктории,

которое воспринималось современниками Дрэбл как «героическое прошлое», развилась система представлений о нравственности, строившаяся на жестких правилах и ограничениях. Викторианская литература, сформированная под влиянием этих убеждений, содержала значительный морализаторский пласт, позволяющий однозначно сформулировать нравственный вывод и обличить порок. Таким образом, авторы неовикторианского романа, представителем которого является Маргарет Дрэбл, переняли у предшественников тяготение к изображению идеалов высокой нравственности и с помощью дидактики обращаются к внутренним ресурсам человека как к силе, способной противостоять послевоенному ощущению деградации мира.

Сюжетный план романа «Мой золотой Иерусалим» сформирован под влиянием двух притч – о сеятеле и о блудном сыне – и представляет собой контаминацию этих историй. В романном пространстве вступают в полемику три сюжетные линии: основной сюжет о жизненном пути Клары Моэм, аллегорический сюжет о блудном сыне, заявляющий новый ракурс рассмотрения темы отцов и детей, и еще один аллегорический сюжет о сеятеле, привлекающий

внимание к идее предопределения жизненного пути и возможности человека противостоять силам рока.

По определению С. С. Аверинцева, притча «допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего, однако, особую символическую наполненность» [1]. В «Моем золотом Иерусалиме» основной сюжет «подавляет» два побочных аллегорических; также романистка исключает из повествования некоторые эпизоды хорошо известных европейцам библейских притч, оставляя лишь необходимые для реализации художественного замысла фрагменты, обладающие наибольшей значимостью. Таким образом, сюжетные линии обеих притч изображены в усеченном виде, что помогает представить авторскую морально-нравственную концепцию и заострить внимание на самых «болезненных» точках романа, действительно обладающих «особой символической наполненностью».

Кульминационный момент романа, в котором Клара Мозм возвращается в родной город к умирающей матери, является наивысшей точкой двух сюжетных уровней: основного и аллегорического, описывающего судьбу блудного сына. Главная героиня, пройдя сложный путь нравственного взросления, по-новому воспринимает свой дом. Клара испытывает «необычное облегчение оттого, что обрела свой родной дом, от сознания, что хоть и не счастливо, но существовала и раньше, и впервые без горечи подумала об истоках собственной жизни» [2, с. 465]. Отныне Нортэм и родной дом не «бесплодная пустыня», а совершенно новое пространство, ценность которого Кларе еще предстоит осознать.

Основная сюжетная линия романа соотносится сразу с двумя аллегорическими, образуя переплетение сюжетов: одно и то же событие магистрального сюжета может относиться как к притче о блудном сыне, так и к притче о сеятеле. Так, упомянутый выше приезд Клары

Мозм в родной дом к умирающей матери можно одновременно соотносить с возвращением блудного сына и с переосмыслением образа бесплодной земли, на которой было предназначено расти главной героине. Изначально Клара возмущена и даже испугана несправедливостью: «бездумно расшвыривать семена и, куда хуже, человеческие души – это было чудовищно» [2, с. 258]. Представляя себя растением, героиня понимала, что буквально вливается корнями в камни, «где для него [растения] нет ни воды, ни земли, ни тени» [2, с. 258]. Взрослея, Клара понимает, что все-таки ей посчастливилось оказаться там, «где несколько песчинок и несколько капель влаги не дадут угаснуть трепетной, но цепкой жизни. Да, она удержится, она выживет» [2, с. 258]. Приходит понимание, что не «бездумный» сеятель раскидывает человеческие души, а у всего есть свое предназначение. Изменившееся восприятие притчи (от бессильного гнева до уверенности в собственных силах) свидетельствует о нравственном росте Клары Мозм, стремление к которому так высоко ценилось в неовикторианском романе.

Притча о блудном сыне, вплетенная в повествование о девушке-интеллектуалке, ищущей свое место в жизни, представлена в редуцированном виде, но даже отсутствие одного из ключевых эпизодов является знаковым. Дрэббл обманывает читательские ожидания и исключает из сюжета эпизод отеческого прощения. Даже на смертном одре миссис Мозм остается все той же взбалмошной женщиной, под взглядом которой «каждый безропотно причислял себя к козлицам» [2, с. 281]. О всепрощении, примирении нет никакой речи, поскольку характер матери, сформированный под влиянием «квазивикторианской» морали, и дочери, яростно отрицающей ценностные идеалы предыдущего поколения, являются непримиримыми антагонистами. Т. В. Филимонова подчеркивает в исследуемом романе нетипичность авторского изображения

неоднозначных отношений Мей и Клары Мозм: «В характеристике ненависти героини к матери... отсутствует анализ характерного для Дрэбл метода изображения и принципов ее подробной психологической мотивировки поступков и мыслей» [3, с. 129]. Алогичность ненависти свидетельствует о принципиальном неприятии девушкой ценностной картины мира старшего поколения: абсолютно любое действие матери Клары порождает в дочери желание противиться, бунтовать, яростно искать новое.

Как отмечает Н. Л. Лейдерман, «структурной основой притчи (и притчевых мотивов, образов) является именно аллегоричность, предполагающая подчиненность переднего (изобразительного, сюжетного) плана второму метафизическому плану, носящему характер интеллектуальной максимы, дидактической формулы» [4]. В романе Дрэбл «Мой золотой Иерусалим», напротив, «передний» сюжет подчиняет себе аллегорическую линию, что объяснимо трансформацией структурных особенностей притчи в художественной литературе. Н. Л. Лейдерман подчеркивает, что «первый (изобразительный) и второй (метафизический) планы в современных притчах фактически сливаются» [4], что наблюдается и в «Моем золотом Иерусалиме». Аллегоричность сюжета предполагает участие читателя в понимании нравственного вывода, направляет его на сопоставление не только прямого повествования с метафизическим, но и с «каноническим» вариантом притчи. Притча, определенная С. С. Аверинцевым как дидактико-аллегорический жанр, сохраняет поучительную функцию, но оставляет за читателем право самостоятельного выбора нравственного урока.

Романистка привлекает внимание читателей к теме свободы женщины в выборе собственного жизненного пути. Ее героини восстают против «устаревшей» морали, подразумевающей главенствующее положение мужчины и исключительно роль

домохозяйки и матери для женщины. Проблематика романного творчества Маргарет Дрэбл близка движению феминисток «второй волны», активно развивающемуся в 1960-х гг.: «...she will always be associated with the fledgling years of feminism, as she was one of the most assiduous chroniclers of female experience in Britain during that time» [5]. Тема самореализации молодой талантливой героини едва ли не главная для творчества Маргарет Дрэбл 1960-х гг. Дрэбл пишет о том, что близко ей самой; истории из жизни ее героев имеют явные параллели с судьбой самой романистки: «She is candid about drawing on personal experience and often disguises real people as characters: one is based on her ex-husband, the actor Clive Swift, another on a manipulative friend, now dead. „The Merry Widow“, about a woman’s sense of liberation following the death of her domineering husband, was in fact written just after her mother’s death» [5]. Дрэбл в своих романах отводит значительное место социальной проблематике, она воспроизводит портрет современного человека, активно ищущего новые духовные ориентиры.

Образ Клары Мозм – тонкое изображение человека и его внутренних мотивов на пути к личному счастью. Но кто же на самом деле Клара Мозм? Клара относится к тому типу героинь, которых советский исследователь литературы Анджапаридзе Г. назвал «рассерженные молодые женщины» [6]. По аналогии с «рассерженными молодыми людьми» героини Дрэбл восстают против окружающей действительности, буржуазных ценностей и закостенелой квазивикторианской морали. В своем интервью Маргарет Дрэбл говорит так: «...they did grind their teeth but just nobody was listening» [7, с. 339]. Героини не хотят протеста ради протеста, их волнует жажда изменения окружающей обстановки. Они не столько стремятся выйти из своего привычного социального окружения, сколько «накапливают протест, постепенно расшатывая этот класс изнутри» [6, с. 187].

Оценка Анджапаридзе представляется достаточно точной, однако она не учитывает смысловой компонент, формируемый аллегорическими сюжетными линиями. Принципиально важным является рассмотрение образа главной героини через призму притч, внедренных автором в повествование. Кто же такая Клара Моэм? Она не только «рассерженная молодая женщина», но и блудный сын, вернувшийся в отчий дом, и семя, которому суждено прорасти даже в бесплодной земле. Оба библейских образа имеют положительную коннотацию в евангельских притчах. Блудный сын «воскрес», вернувшись в родной дом и признав неверной свою разгульную жизнь; зерно же, попавшее в расщелину, сопоставляется со словом Божиим, попавшим в душу человека, обладающего верой, но которой только предстоит окрепнуть. Сюжет притчи о блудном сыне, измененный Дрэбл, свидетельствует об окончательном разрыве молодого поколения с нравственными установками отцов. Клара не ищет прощения своей матери и не нуждается в нем: миссис Моэм слишком сильно деформирована «квазивикторианскими» представлениями об условно праведной жизни, приведшими ее к озлобленности, чрезмерной чопорности и стяжательству. Однако главная героиня возвращается в родительский дом и пересматривает свой взгляд на жизнь матери. Героиня рассматривает старые тетради и фотографии, на которых видит мать: она «улыбалась радостной, открытой улыбкой, исполненной надежды и доверия, кому-то невидимому, держащему давно не существующий фотоаппарат, – тоненькая, хрупкая и нежная» [2, с. 464]. Клара наконец ощущает преемственность поколений и связь с матерью, но не с пожилой женщиной, а с девушкой-ровесницей, когда-то исполненной надежд на будущее. На страницах тетрадей, исписанных юной миссис Моэм, оживает героиня, жаждущая прекрасного будущего, также ищущая свой золотой Иерусалим и задающаяся вопросом:

О где ты, светлый мир,
Не ведающий тьмы? [2, с. 465]

Клара, обнаружив свидетельство нравственных исканий своей матери, ощущает «неслучайность» собственного существования и рождения в данной семье.

Мысль о связанности судеб обращает аллегорический план повествования к притче о сеятеле. Если изначально Клара «терялась в догадках относительно собственного появления на свет» [2, с. 258] и была уверена, что «никакая божественная сила, желающая ей добра, не могла бы сознательно поселить ее в такую семью» [2, с. 258], то в финале романа она приходит к мысли, что «ее представление о Нортэме могло бы не стать кошмаром, что, возможно, город всегда был полон сердечной теплоты – целый добрый город» [2, с. 471]. Именно притчи, использованные Дрэбл в качестве дополнительного материала, формируют целостный образ главной героини и его обогащают. Клара не только восстает против жизненного уклада родителей и отрицает возможность примирения со старшим поколением, но и пытается найти причину нравственной деградации социума и ломки в нем человеческих судеб. Главная героиня, как и блудный сын, способна к раскаянию, признанию своих взглядов ошибочными, благодаря чему находит свой «светлый, искрящийся, звездный мир, где все длится бесконечно, где нет расставания» [2, с. 476].

На идейном уровне романа отрицается квакерская идея божественного предопределения, заявленная в притче о сеятеле. Дрэбл показывает героиню, не полагающуюся на «божественную силу»: «лишенная уверенности, что время возрастит ее к нужному сроку, она росла сама, росла изо всех сил» [2, с. 258]. Дрэбл воспроизводит в Кларе Моэм портрет современной женщины, не желающей довольствоваться тем, что ей уготовано судьбой; однако в этом бунте заложено не только отрицание старого, но старательное самосовершенствование,

направленное на возвращение нового. Авторская вера в то, что не наказание, а только нравственное благоприятное влияние может изменить человека, стала основополагающей мыслью «Моего золотого Иерусалима».

Продуктивным представляется рассмотрение и второстепенных персонажей через аллегорический уровень. Маргарет Дрэбл делает одной из сюжетных линий романа евангельский сюжет о блудном сыне, однако трансформирует его в духе феминизма: не сын, а дочь возвращается домой и не к отцу, а к матери. «Женская» версия сюжета объяснима кругом социальных проблем, близких самой Дрэбл: связанная с патриархальным гнетом неопределенность положения женщины в современной автору Англии, противоречивые отношения с собственной матерью, неоднозначное восприятие набирающего силы феминистского движения. Дрэбл настолько сосредоточена на изображении «женского мира», что большинство мужских образов никак не влияют на развитие сюжета, их роль в романе минимальна и зависима от женских персонажей.

Об отце Клары известно достаточно мало, а приведенная информация иронично показывает его незначительную роль в повествовании: «Отец Клары умер. Его сбил автомобиль на пешеходном переходе» [2, с. 259]. Мать же, напротив, обладает большой степенью влияния, распространяющегося не только на детей и мужа, но и на сторонних окружающих. Мей Моэм является причиной безрадостного существования мистера Моэма: «Клара все же понимала, что человеку, столько лет прожившему с ее матерью, грешно ставить в вину утрату *joie de vivre*, вкуса к жизни» [2, с. 261]; соседи также попадают под влияние миссис Моэм: «...на всех действовала внушительность ее принципов» [2, с. 280]. По мнению Г. Анджапаридзе, «Миссис Моэм одновременно и жертва викторианского воспитания, и

живое олицетворение квазивикторианских норм, их ревнительница и хранительница» [6, с. 186]. Следуя логике аллегорического сопоставления миссис Моэм с отцом в притче о блудном сыне, можно сказать, что Клара однозначно отрицает родительский уклад, а возвращается именно в дом, образ которого начинает воспринимать изолированно от ценностных ориентиров своих родителей. Для раскрытия идейного замысла романа автору принципиально показать главную героиню, способную не только идти вперед, ломая старые устои, но и рефлексировать, обращаться к своему прошлому и находить в нем основу для построения новой жизни.

Таким образом, Маргарет Дрэбл в романе «Мой золотой Иерусалим» создает контаминацию сюжетов, добавляя к основному два аллегорических, что позволяет не только существенно обогатить образы героев, но и инициировать взаимодействие с каноническими вариантами притч. Созданная автором полемика нацелена на формирование новой морали, приемлемой для поколения главной героини, окончательно порвавшей с укладом жизни родителей. Роман «Мой золотой Иерусалим», сюжет которого является авторской интерпретацией притчи о блудном сыне, вписывается в контекст произведений, изданных в 1960–1970-е гг. и имеющих притчевое начало: «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя (1952), «Повелитель мух» Уильяма Голдинга (1954), «Женщина в песках» Кобо Абэ (1962), «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса (1967), «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха (1970) и др. Тяготение целого ряда произведений к жанровой форме притчи и значительной доли аллегоричности в сюжетном плане свидетельствует о возросшей потребности в дидактической функции литературы, ее способности содействовать поиску и утверждению духовных идеалов, актуальных для современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С. С.* Притча // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 6. С. 2021. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke6/ke6-0203.htm> (дата обращения: 21.09.2021).
2. *Дрэббл М.* Камень на шее; Мой золотой Иерусалим: романы / пер. с англ. СПб.: Амфора, 2000. 478 с.
3. *Филимонова Т. В.* Проблемы интеллектуальной и нравственной свободы в творчестве Маргарет Дрэббл 1960-х годов: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2009. 179 с.
4. *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Современная русская литература: в 2 т. Т. 2 (1968–1990). URL: https://modernlib.net/books/leyderman_n/sovremennaya_russkaya_literatura_19501990e_godi_tom_2_19681990/ (дата обращения: 21.09.2021).
5. *Allardice L.* A life in writing: Margaret Drabble // *The Guardian*. 17.06.2011. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2011/jun/17/life-writing-margaret-drabble-interview> (дата обращения: 21.09.2021).
6. *Дрэббл М.* Один летний сезон / пер. с англ. М. Марецкой, послесл. Г. Анджапаридзе. М., 1972. 191 с.
7. *Lee Y.-O.* An interview with Margaret Drabble // *Contemporary Literature*. 2007. Dec. 48 (4): 477–498. DOI: <https://doi.org/10.3368/cl.48.4.477>.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. Pritcha. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. Moscow: Sov. entsikl., 1962–1978. Vol. 6, p. 2021. Available at: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke6/ke6-0203.htm> (accessed: 21.09.2021).
2. Drabble M. *Kamen na shee; Moy zolotoy Ierusalim: romany*. St. Petersburg: Amfora, 2000. 478 p.
3. Filimonova T. V. Problemy intellektualnoy i npravstvennoy svobody v tvorchestve Margaret Drebbel 1960-kh godov. *PhD dissertation (Philology)*. St. Petersburg, 2009. 179 p.
4. Leyderman N., Lipovetskiy M. *Sovremennaya russkaya literature*. In 2 vols. Vol. 2 (1968–1990). Available at: https://modernlib.net/books/leyderman_n/sovremennaya_russkaya_literatura_19501990e_godi_tom_2_19681990/ (accessed: 21.09.2021).
5. Allardice L. A life in writing: Margaret Drabble. *The Guardian*. 17.06.2011. Available at: <https://www.theguardian.com/culture/2011/jun/17/life-writing-margaret-drabble-interview> (accessed: 21.09.2021).
6. Drabble M. *Odin letniy sezon*. Transl. from English by M. Maretskaya, afterword by G. Andzhaparidze. Moscow, 1972. 191 p.
7. Lee Y.-O. An interview with Margaret Drabble. *Contemporary Literature*. 2007. Dec. 48 (4): 477–498. DOI: <https://doi.org/10.3368/cl.48.4.477>.

Мельникова Мария Викторовна, аспирант Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: melnikova@school422.ru

Melnikova Maria V., PhD Postgraduate student, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: melnikova@school422.ru

Статья поступила в редакцию 27.09.2021
The article was received on 27.09.2021